

УДК 94(470)-63-051

О. И. Шестак¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Социально-экономические и политические процессы в развитии дальневосточной деревни в 1922 – конце 1930-х годов

В статье изучается формирование советской модели социальной политики в отношении крестьянства и вызванные её реализацией социальные трансформации в дальневосточной деревне в период 1922–1941 гг. Автор рассматривает процессы коллективизации на Дальнем Востоке и их последствия, выявляет региональные особенности этих процессов в сравнении с центральными российскими регионами. Исследование основывается на ранее неизвестных архивных материалах, включая недоступные прежде партийные документы и отчеты, статистические сводки.

Ключевые слова и словосочетания: дальневосточная деревня, дифференциация населения, государственная политика в отношении крестьянства, коллективизация, уровень жизни, социальные трансформации.

O. I. Shestak

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

The socio-economical and political process in development of Far Eastern country from 1922 to the end of 1930s

At the centre of attention – formation of the soviet model of social politics concerning peasantry and social transformations, caused by its realization in Far East country during the 1922–1941. The author considers processes of collectivization on the Far East and their consequence, reveals regional features of these processes in comparison with the central Russian regions. The research is based on earlier unknown archival materials, including the earlier inaccessible documents and reports, statistical facts.

Keywords: Far Eastern country, differentiation of the population, the state politics concerning peasantry, collectivization, level of living, social transformations.

¹ Шестак Ольга Игоревна – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента;
e-mail: olga.shestak@vvsu.ru.

Социально-экономическая и политическая характеристики дальневосточной деревни в 1922–1923 гг. Длительный период гражданской войны и иностранной интервенции завершился на Дальнем Востоке лишь к концу 1922 г. 17 ноября 1922 г. некогда самостоятельная и независимая от советской России Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР как Дальневосточная область (далее – ДВО) с центром в Чите [97. С. 22–23]. К концу 1923 г. в состав ДВО входило 4 губернии: Забайкальская, Амурская, Приморская (с северной частью острова Сахалин) и Камчатская. Сельское население ДВО составляло 72,8%, городское население – 27,2% [51. С. 8].

Социальное состояние сельского населения Дальнего Востока к началу 1923 г. было разнообразно, что объяснялось одновременностью водворения в регионе населения и различным укладом хозяйств отдельных его групп. Одним из критериев разделения сельскохозяйственного населения на группы выступала величина земельных наделов. Так, крестьяне, прибывшие на Дальний Восток до 1901 г. (старожилы), получали земельные наделы из расчета 100 десятин на семью, казаки – по 30 дес. на мужскую душу и плюс 10 дес. в станичный запас, переселенцы (новоселы) после 1901 г. – от 10 до 15 дес. на мужскую душу [64. С. 12–13]. Особую группу составляло корейское и местное коренное население, земельные наделы которого определялись в 15 дес. на двор [64. С. 12–13]. Помимо количественной характеристики наделов большую роль играло качество земель. Старожильческие и бывшие казачьи наделы отводились из лучших земель, а новосельческие – из оставшихся по окраинам заселенных ими пространств, поэтому в последние вошел большой процент малоудобных земель, таких, как горные склоны с глинистой почвой и заболоченные равнины. Типы землепользования были различны. В Приморской губернии преобладало индивидуальное землепользование; в Забайкальской и Приамурской землепользование во многом оставалось общинным, что было обусловлено природными условиями первоначальной обработки почв (корчевка, заболоченность, требующие распашки большими массивами и т.д.), которые были настолько трудными, что с ними можно было бороться только путем постепенного освоения. В Забайкальской и Приморской губерниях было развито арендное землепользование.

К особенностям дальневосточной деревни относилось также наличие корейских хозяйств, в большинстве своем беспосевных и малопосевных. Эти хозяйства арендовали землю у крестьян (старожилы). Зачастую такая аренда носила кабальный и скрытый характер. Так, например, в селе Романовка Шкотовского района Приморской губернии находилось 43 двора корейцев, и все село сдавало им землю на кабальных условиях – из 50% урожая [43. С. 84].

Распределение крестьянских хозяйств по ДВО на конец 1923 г. выглядело следующим образом: старожила 100-десятники составляли 35,6% от всех крестьянских хозяйств, бывшие казаки (имели 40 десятин земли на душу населения) – 18,8%, новоселы (15 десятин на душу) – 29,8%, арендаторы наделных земель (русские неприписные, корейцы, китайцы) – 17,6%. Таким образом, исходя из количественного состояния земельных наделов, преобладающими в ДВО являлись крупные крестьянские хозяйства старожилов и бывших казаков.

Выделение социальных групп дальневосточного крестьянства на рубеже 1922–1923 гг. осуществлялось по классовым признакам, что было крайне затруднительно ввиду расплывчатости критериев самих «классовых признаков». На Дальнем Востоке в одном крестьянском хозяйстве совмещались все классовые черты: крестьянин являлся и предпринимателем, поскольку при больших земельных наделах использовался наемный труд, и самостоятельным производителем (земледелец, плотник, кузнец без наемных рабочих), и, наконец, члены крестьянской семьи могли уходить на промыслы либо наниматься на фабрики и мастерские в городе. Между тем, в 1920-е годы относить к тому или иному классу было принято именно хозяйство, совмещающее в лице членов его семьи самые противоречивые функции.

В карточках сельскохозяйственной переписи 1923 г. для определения соотношения внутриклассовых групп дальневосточного крестьянства был использован признак «зажиточности» (по количеству членов семьи, размеру посева, количеству рабочего скота и коров, сельскохозяйственного инвентаря) (табл. 1).

Таблица 1

**Внутриклассовое соотношение дальневосточного крестьянства
(по данным переписи 1923 г. без учета Камчатской губернии)**

Губернии	Классовые группы крестьянства, в %				Всего
	бедняки	маломощные	средняки	зажиточные	
Забайкальская	44,7	16,7	25,8	12,8	100,0
Амурская	28,3	31,7	24,2	15,8	100,0
Приморская	45,8	12,6	31,0	10,6	100,0

Примечание: сост. по [1. С. 42–52].

На Дальнем Востоке бедняки и маломощные крестьяне составляли около 58%, середняки около 30% и зажиточные – около 12%. Наличие достаточно большого числа бедных и маломощных хозяйств при большом количестве крупных земельных наделов обусловлено событиями гражданской войны и интервенции, приведшими к сокращению посевных площадей. В системе ценностей крестьян в 1920-е гг. основным критерием зажиточности выступала именно величина засева.

Общая посевная площадь ДВО, по сравнению с занимаемой территорией, представляла незначительную величину: в 1917 г. из 2628 тыс. км² максимально засеивалось 1092,2 тыс. гектаров, т.е. менее 0,5%. За годы революции и гражданской войны посевная площадь значительно сократилась и в 1923 г. оказалась ещё меньше, чем в 1917 г. (табл. 2).

Влияние гражданской войны и интервенции на сокращение посевных площадей сказалось по губерниям в разной степени. Больше всего в этом отношении пострадала Амурская губерния, в которой посевная площадь за 6 лет сократилась в 1,5 раза. Забайкальская губерния потеряла около 22% своей посевной площади 1917 г. Наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении оказалась Приморская

губерния, где сокращение посевов за годы гражданской войны было сравнительно небольшим – 7%. Большие потери повсеместно понесли хозяйства в инвентаре, рабочем и домашнем скоте.

Таблица 2

**Динамика посевной площади на Дальнем Востоке в 1917–1923 гг., тыс. га
(без учета Камчатской губернии)**

Годы	Губернии			Всего по ДВО
	Забайкальская	Амурская	Приморская	
1917	283,5	512,4	296,3	1092,2
1923	221,1	361,4	277,8	860,3

Примечание: сост. по: [97. С. 85].

В целом в социальном отношении дальневосточная деревня представляла собой более благополучную картину, чем деревня центральных регионов России. Прослойка крупных хозяйств составляла около 12%, тогда как в центре страны лишь 3–5%. Соотношение прослойки среднего крестьянства приходилось 30 к 17%; преобладающее количество бедных и малоимущих, напротив, доминировало в центральной части РСФСР – 58 к 78% [46. С. 38].

Такое соотношение социальных групп крестьянства обуславливалось тем, что Дальний Восток не был затронут проведением политики «военного коммунизма», изменившей социальную структуру центральной российской деревни, на что неоднократно указывалось в отечественной историографии.

Крестьянство, в общей своей массе за время существования ДВР было в значительной степени предоставлено самому себе, так как не имело достаточного политического и хозяйственного руководства со стороны уездных и областных управлений, которые в основном сосредоточивали свое внимание на городах. Волостные управления и сельские комитеты были почти неработоспособными органами и не пользовались у населения авторитетом [97. С. 19]. Кроме того, в состав волостных управлений и сельских комитетов, в основном, входили «лучшие люди» деревни: наиболее зажиточные и хозяйственно организованные крестьяне, которые в соответствии с официальной идеологией не могли стать социальной базой советской власти в деревне [101. С. 33].

Высокий уровень распространения контрабандной торговли в деревнях, концентрация на приграничных территориях с Китаем и Маньчжурией остатков белогвардейских частей вызывали страх у коммунистов перед работой в деревнях. Коммунисты деревенских партячеек в Забайкалье и Приморье не выходили на улицу без винтовок, и нередкими бывали случаи, когда ячеишники, уходя из дома, не говорили, где будут ночевать, боясь нападения [101. С. 33].

Таким образом, социально-экономическое и политическое состояние дальневосточной деревни в конце 1922 г. было весьма специфично и обуславливало морально-психологический климат, в котором формировались политические настроения сельского населения, связанные либо со стремлением улучшить свое

благополучие, либо сохранить его на прежнем уровне, что формировало в определенной степени неприятие нового политического курса.

Государственная политика в отношении крестьянства и социально-экономическое развитие дальневосточной деревни в 1922–1927 гг. Различие между дальневосточным крестьянством и крестьянством остальной России, особенно в период введения НЭПа, состояло также и в том, что дальневосточное крестьянство до 1917 г. вследствие переселенческой политики царского правительства в большинстве своем не платило никаких налогов, находясь в более привилегированном положении, чем крестьянство остальных российских губерний. Это имело важное значение при переходе к НЭПу. Если введение с началом НЭПа продовольственного налога в центральных регионах страны было воспринято как уменьшение экономического гнета по сравнению с действиями продотрядов, то введение продналога на Дальнем Востоке было воспринято как продолжение политики военных грабежей.

Определяя социальное содержание НЭПа как политики, направленной на укрепление «союза» рабочего класса и мелкого крестьянского хозяйства, идеологи большевизма изначально не учли, что в состав российского государства будут входить и такие губернии, в которых большинство составляют не мелкие, а крупные крестьянские хозяйства. Утвержденная декретом СНК «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масляные семена» от 21 апреля 1921 г. подесятичная ставка налога при установлении общей суммы увеличивалась во столько раз, сколько десятин и едоков имело хозяйство [87]. Если для мелкокрестьянских хозяйств центральных губерний введение продналога по минимальным ставкам означало улучшение экономического положения хозяйств, то введение максимальных ставок продналога для крупных хозяйств Дальнего Востока имело обратный эффект.

На IV Дальневосточной партийной конференции РКП(б), состоявшейся в октябре 1922 г., отмечалось недовольство крестьян налогами и зачитывались обращения крестьян с просьбами об отмене или значительном сокращении налогов [97. С. 25]. К тому же кроме продовольственного налога на жителей дальневосточных деревень возлагался целый ряд повинностей, целью которых был сбор средств для восстановления хозяйства региона: специальный волостной сбор, подводная повинность, в ряде волостей замененная подводным налогом.

В 1923 г. положение дальневосточного крестьянства еще более ухудшилось. На XII Съезде РКП(б), проходившем 17–25 апреля 1923 г., в резолюции «О налоговой политике в деревне» было принято решение о введении единого «прямого сельскохозяйственного налога», который должен был унифицировать все имеющиеся многочисленные сборы и повинности [41. С. 50]. Если продналог и иные повинности крестьянин мог сдавать натурой, то единый сельхозналог он был обязан сдавать деньгами, для чего должен был продавать свою продукцию.

Уровень единого сельхозналога определялся системой налоговых разрядов по обложению губерний, в которых находились облагаемые хозяйства. Разряды определялись ВЦИК и СНК РСФСР в зависимости от «зажиточности» губерний, спускались на места и изменению не подлежали. Средняя налоговая единица для дальневосточных губерний была определена 6-м разрядом [98. С. 56]. Непосредственно

в губерниях определялся разряд налоговой единицы в зависимости от «зажиточности» хозяйства: количества в хозяйстве пашен и сенокосов, количества едоков в хозяйстве, количества взрослого рабочего скота от 3-х и крупного рогатого скота от 1,5 лет и урожайности хлебов и трав на десятину [31. С. 133]. По Дальнему Востоку было установлено 9 групп хозяйств по количеству пахотной и сенокосной земли, 4 группы по количеству облагаемого скота и 11 разрядов по урожайности [2. С. 9]. За основу обложения брались разряды по количеству пахотной и сенокосной земли (табл. 3). Исходя из расчета налогообложения по ДВО, средняя ставка налога на 1 хозяйство в 1923–1924 гг. приходилась в 24,2 руб., в то время как в центральных российских губерниях – 12,8 руб. [2. С. 137; 98. С. 56].

Таблица 3

**Уровень единого сельхозналога с пашни на Дальнем Востоке
(по разрядам 1924 г.)**

Разряд	Миним. ставка (руб.) 0,5 десятин	Излишки сверх минимальной ставки, руб.			
		0,5 десятин	1 десятина	2 десятины	Более 4 десятин
1	0,4	0,8	1,6	3	6
2	0,5	1,05	2,2	3,9	7,6
3	0,65	1,35	2,9	4,85	8,4
4	0,8	1,7	3,7	6,0	11,3
5	0,95	2,1	4,8	7,3	13,5
6	1,15	2,55	5,9	8,9	16,0
7	1,4	3,05	7,3	10,6	18,9
8	1,9	3,6	9,0	13,6	24,2
9	2,25	4,2	12,0	17,5	30,4

Примечание: сост. по: [98].

В рамках политики по улучшению положения беднейшего крестьянства в 1923–1924 гг. была принята серия декретов, устанавливающих льготы по сельхозналогу. 24 августа 1923 г. был принят декрет ЦИК и СНК СССР «О льготах беднейшему крестьянству по освобождению от уплаты единого сельскохозяйственного налога» [89], в соответствии с которым от уплаты единого сельхозналога были освобождены единоличные и коллективные хозяйства, не имеющие скота, при условии, что они имеют не более $\frac{3}{4}$ десятины облагаемой земли на едока. Действие этого декрета на Дальнем Востоке распространялось на 26 028 хозяйств, что составило лишь 3,5% от общего количества крестьянских хозяйств [27]. От налога также освобождались хозяйства служащих в РККА, бывших красных партизан и хозяйства, освобожденные от налога специальным постановлением местных властей и обязательными постановлениями ВЦИК за № 71, 72 и 73, которые составили еще около 1,8% от общего количества дальневосточных хозяйств [31. С. 137].

Исходя из «зажиточности» дальневосточных губерний единый сельхозналог на 1923/24 бюджетный год был определен ВЦИК в невероятно огромную

сумму: по Дальнему Востоку предполагалось собрать 5451 тыс. руб. Уже в середине 1924 г. Дальревком и Дальэконо отмечали массовое недовольство дальневосточного крестьянства налогом, которое проявилось как в пассивных, так и в открытых формах сопротивления налоговой компании: в сокращении пашен, в забое скота, в утаивании от налоговых инспекторов налоговых единиц (пашен, покосов, возраста скота), в прямом повстанческом движении [101. С. 54]. Если на Дальнем Востоке в 1923 г. пшеницей засеивалось 74,3 тыс. десятин земли, то в 1925 г. эта цифра составила 27,8 тыс. десятин [97. С. 86]. Только в 1923/24 бюджетном году общая численность крестьянского скота ввиду забоев сократилась в Забайкалье на 1257 голов, в Амурской губернии на 5418 голов, в Приморской губернии на 3523 головы [97. С. 86].

Дифференцированный подход в реализации политики по отношению к крестьянству прослеживался по результатам налогосборочной компании 1923/24 гг. Все дальневосточное крестьянство условно разделялось на 5 категорий: бедняки, т.е. имеющие минимум по шкале налогообложения; маломощные середняки, имеющие некоторые излишки; середняки; мощные середняки и зажиточные хозяйства. Уровень налогообложения по этим социальным категориям мы можем проследить на примере Амурской губернии: из табл. 4 видно, что зажиточные крестьяне, составляя лишь 3,4% от общего количества крестьянских хозяйств, платили 25,8% налога, бедняки, составляя 14,6%, платили лишь 1% от общих налоговых сборов, в то время как основная тяжесть налога ложилась на середняцкие хозяйства разной степени «зажиточности». При этом на VII Дальневосточной краевой конференции ВКП(б) в ноябре 1925 г. представители Дальревкома признали, что налог был искусственно взвинчен правительством РСФСР по Забайкальской губернии – в 21%, по Амурской – в 20% и Приморской – в 46% [101. С. 68–80].

Таблица 4

**Исчисление единого сельхозналога по Амурской губернии на 1923/24 бюджетный год
(по 6-му губернскому разряду)**

Хозяйства	Количество хозяйств	%-ное отношение	Сумма налога (руб.)	%-ное отношение
Бедняки	7 193	14,6	22 016	1,0
Маломощные	14 768	29,9	130 363	5,5
Средняки	18 699	37,8	747 761	31,5
Мощные	7 067	14,3	856 732	36,2
Зажиточные	1 555	3,4	610 620	25,8
Итого	49 282	100	2 367 492	100,0

Примечание: сост. по: [31. С. 136].

Сбор налогов по Дальнему Востоку проводился с применением принудительных мер административного и уголовного характера: за первую обнаруженную утайку крестьяне, независимо от своего социального положения, наказывались

штрафом в размере двойного оклада; за несдачу налога в срок имущество крестьян продавалось с торгов, за отказ от приема окладных листов налагалось до 3-х лет лишения свободы; недоимщикам налагалось 7 суток ареста [13].

Пережитый в 1923–1924 гг. в центральных губерниях голод, общее недовольство крестьянских масс политикой правительства и интересы всего народного хозяйства страны в целом потребовали подъема и укрепления сельского хозяйства. Этот подъем было решено, согласно «бухаринскому» плану развития сельского хозяйства («Обогащайтесь...»), осуществлять путем стимулирования повышения доходности индивидуальных крестьянских хозяйств.

Весной 1925 г. был принят ряд постановлений ЦИК, СНК и Президиума ЦИК СССР, направленных на «быстрейшее укрепление и подъем всей массы крестьянских хозяйств» [68]. Из них на первом месте стоит постановление 3-й сессии ЦИК СССР от 7 марта «О едином сельскохозяйственном налоге на 1925/26 годы» [65], согласно которому была значительно снижена тяжесть налога – с 470 млн до 300 млн руб., из которых 100 млн руб. передавалось в районы; были пересмотрены действующие нормы пересчета скота и пашни в сторону их понижения: стала учитываться действительная площадь посева, а не пашня вообще (пар и толока); возраст облагаемого рабочего скота был повышен до 4-х лет, а крупного рогатого скота до 2-х лет; разряды были пересчитаны по обложению, а не по урожайности.

Наиболее важным в этом ряду весенних постановлений 1925 г. представляется постановление СНК от 18 апреля «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» [66]. Эти правила определенным образом ограничивали допускающуюся эксплуатацию и защищали социальные права батраков. Размер вознаграждения батраку не мог быть ниже государственного минимума заработной платы для данной местности, и наниматель не имел права платить натурой. Наниматель был обязан предоставить батраку жилье и пищу такого же качества, как и в своей семье, а при наличии более 3-х батраков – страховать их по особым правилам и льготным нормам. Не допускалось заключение соглашения о найме сроком более чем на 1 год. Рабочий день свыше 8 часов допускался только по взаимному соглашению сторон, наниматель также был обязан предоставлять наемному работнику 1 день в неделю для отдыха, а в страду выплачивать компенсацию за непредоставленный отдых. Таким образом, «Временные правила» подробно регламентировали права и обязанности нанимателя и батрака, защищая последнего от возможности чрезмерной эксплуатации со стороны первого.

Постановление от 18 апреля 1925 г. имело особое значение для Дальнего Востока, ввиду широкого использования наемной рабочей силы. Переписью 1923 г. в дальневосточных губерниях было зафиксировано 4627 хозяйств, нанимавших годовых и сезонных батраков, и 13 285 хозяйств, периодически нанимавших сельскохозяйственных рабочих. Общее количество годовых и сезонных рабочих в 1923 г. составляло 26 тыс., и если на каждые 100 крестьянских хозяйств в целом по стране приходилось в среднем 4 батрака, то на Дальнем Востоке – 6–7 батраков. Зажиточные крестьяне привлекали наемную рабочую силу на 3 и более месяца, имея избыток средств производства, которые не могли использовать в полной мере сами.

Следует отметить, что нам не удалось обнаружить никакого документа, который бы не регламентировал, а санкционировал или хотя бы каким-либо образом оправдывал необходимость такого шага, как применение наемного труда в частном секторе. Даже идеологически этот важнейший социальный факт не объяснялся, таким образом, признавалось, что эксплуатация батрачества в советском государстве может существовать, и требовалось ее только легализовать и регламентировать. Принятое 20 мая 1925 г. постановление III Съезда Советов Союза ССР «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства» [67] одобрило «Временные правила» от 18 апреля в числе прочих мероприятий, направленных на отмену «ряда ограничений, задерживающих развитие сельского хозяйства». Кроме того, III Съезд Советов, отмечая нецелесообразность применения «каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной верхушки в деревне», подчеркнул, что несмотря ни на что, политика советской власти должна быть направлена на помощь бедняцким и середняцким крестьянским хозяйствам. Объединение этих слоев крестьянства в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию, указываемое в постановлении, является единственно правильным путем поднятия их хозяйственной силы, а первоочередной задачей советской власти в ближайший период провозглашалась помощь объединяющемуся в кооперацию мелкому крестьянству с целью его социальной поддержки и обеспечения его конкурентоспособности в противовес индивидуальным хозяйствам.

С целью социального развития деревни с 1917 г., особенно в период НЭПа, создается система социального обеспечения беднейшего крестьянского населения. Первым документом, декларирующим начало социального обеспечения беднейшего крестьянского населения, стал декрет «О земле», согласно которому те земледельцы, кто навсегда утратил возможность лично обрабатывать землю вследствие старости или инвалидности, должны были получать от государства пенсии и пособия [95. С. 12]. В соответствии с декретом СНК «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев» [88] от 14 мая 1921 г. основные расходы на социальное обеспечение беднейшего крестьянства должно было нести государство, а само крестьянство, а также рабочие и служащие через местные бюджеты. Декрет предписывал образовывать крестьянские комитеты общественной взаимопомощи при сельских советах и волостных исполкомах и создавать при комитетах натуральный фонд социального обеспечения за счет специального налогообложения богатейшего крестьянства, а также отчислений с зарплат рабочих и служащих и со средств комиссий по охране труда. На комитеты ложилось устройство учреждений социального обеспечения, а также помощь семьям красноармейцев, инвалидов и крайне нуждающихся крестьян. Постановлением ВЦИК от 25 сентября 1924 г. комитеты общественной взаимопомощи были переименованы в крестьянские общества взаимопомощи, основным источником финансирования которых должно было выступать самообложение крестьян. Данные декреты и постановления четко обозначили «полярность» в отношении советской власти к крестьянству и рабочему классу: если последний обеспечивался государством, то обязанностей по обеспечению первого государство на себя не возлагало.

Работа по организации крестьянских комитетов взаимопомощи на Дальнем Востоке началась стихийно. В октябре 1923 г. для общего руководства организацией кресткомов в ДВО был образован Областной крестком, подчиняющиеся ему губернские кресткомы и, ниже по иерархии, уездные кресткомы [2. С. 62]. К 1 января 1925 г. в Приморской губернии были организованы 538 сельских и 30 волостных кресткомов, в Забайкальской губернии – 363 и 15 соответственно, в Амурской губернии – 638 и 36, что свидетельствовало о том, что сельские кресткомы создавались почти в каждом селе [2. С. 130–132]. На 1 января 1925 г. денежные фонды кресткомов области составляли 28 288 руб., натуральные (сельскохозяйственный инвентарь) – 14303 руб. [30. С. 42]. К 1926 г. был проведен учет лиц, нуждающихся в помощи, который показал, что на 15 126 дворов с 106 202 проживающими приходилось нуждающихся: семей красноармейцев – 66 (484 чел.), семей с вдовами и сиротами – 287 (966 чел.), впавших в нужду – 582 семьи (3266 чел.), инвалидов – 192 чел. [30. С. 68].

В организации кресткомов на Дальнем Востоке прослеживалось большое количество негативных моментов. Большая часть кресткомов числилась только на бумаге и активной деятельности не вела [47. С. 74]. Волостные и уездные исполкомы не уделяли кресткомам должного внимания, и в результате во многих из них руководящие посты занимали зажиточные крестьяне, использовавшие фонды в своих интересах. Кадровый состав кресткомов не всегда сам понимал цель их создания и, соответственно, не разъяснял их целей и задач на селе, в результате чего многие действительно нуждающиеся крестьяне не обращались за помощью в кресткомы, потому что не знали об этой возможности. Как следствие, уровень полезности кресткомов оказался минимальным, хотя они и просуществовали на Дальнем Востоке до 1930 г.

Основным результатом социально-экономического развития дальневосточной деревни к концу 1920-х годов стали изменения в стратификационной системе сельскохозяйственного населения.

К 1927 г. произошли изменения, в первую очередь, в численном составе крестьянства. Если в 1923 г. количество сельского населения в регионе исчислялось в 1 193 560 чел., что составляло 72,8% от общего количества жителей, в 1927 г. эта цифра увеличилась до 1 519 600 чел., что составило 74,7% от всего населения. Прирост сельского населения к 1927 г. носил естественный характер и происходил за счет увеличения рождаемости, что было обусловлено установлением мирного времени.

Как уже отмечалось, определение внутриклассового группового соотношения в крестьянстве шло по степени зажиточности и носило весьма условный характер. Почти все группы крестьян имели крупные земельные наделы, и земельный надел бедняцкого хозяйства зачастую был равен земельному наделу хозяйства зажиточного, однако отличался степенью интенсивности его обработки. Степень интенсивности обработки земельного надела зависела от количества душ в семье, определявшего количество рабочих рук. Бедные хозяйства по различным губерниям и волостям ДВО имели в среднем от 4 до 4,9 душ на 1 хозяйство; мало-мощные от 5,5 до 6,5 душ; середняцкие хозяйства – от 6,7 до 8,1 душ на хозяйство и зажиточные – от 6,4 до 10,1 душ [1. С. 11].

В то же время невозможно было определить степень зажиточности хозяйства только по наличию рабочих рук, пашни, скота, как это делалось при проведении мероприятий по налогообложению. В данном случае для определения социального расслоения крестьянства следует использовать и такой признак, как средний уровень благосостояния, иначе говоря, достаток крестьянской семьи. По уровню благосостояния крестьянские хозяйства Дальнего Востока можно было определить следующим образом: бедняцкое хозяйство – хозяйство, систематически не могущее свести свой бюджет без дефицита, попадающее во власть кредиторов, недоедающее; маломощное хозяйство – хозяйство, находящееся в положении неустойчивого равновесия, при котором недород, падеж скота и другие стихийные бедствия переводят хозяйство в разряд бедных, в то время как урожай или удачные заработки дают хозяйству возможность встать на ноги; средняцкое хозяйство – хозяйство устойчивое, благополучно и бездефицитно сводящее свой бюджет и не выходящее по своему экономическому уровню за пределы среднего уровня благосостояния в своем районе; мощное средняцкое хозяйство – хозяйство, благодаря особо благоприятным условиям (обеспеченность рабочей силой и капиталом) или предприимчивости и знаниям хозяина выделяющееся из общей массы крестьянства своим благосостоянием; зажиточное хозяйство – хозяйство, отличающееся от мощного средняцкого тем, что строит свое благополучие на эксплуатации других хозяйств (систематический наем рабочей силы, ростовщичество, торговля и т.д.). Дифференциация крестьянских хозяйств по уровню благосостояния в 1923 г. выглядела следующим образом: по различным волостям дальневосточных губерний процент бедняков колебался от 20 до 38%, малоимущих – от 18 до 34%, середняков – от 25 до 47%, мощных середняков – от 2 до 15 % и зажиточных (кулацких) хозяйств – от 1,2 до 3,5 % [56]. В отчетах Дальревкома за 1923–1924 гг. мощные средняцкие и зажиточные хозяйства обычно объединялись в одну группу – зажиточных (кулацких) хозяйств, что и давало высокий процент зажиточных хозяйств (в среднем 12%).

К 1927 г. происходит «размывание» полярных групп – бедняцких и зажиточных (как мощных средняцких, так и кулацких).

Для беднейшего крестьянства в период 1920-х гг. была создана возможность социальной мобильности, т.е. возможность повышения уровня благосостояния и перехода в следующую, более обеспеченную социальную группу. Используя налоговые льготы, систему социального обеспечения и другие виды производственной помощи, значительная часть бедняцких хозяйств крепла и поднималась до уровня средняцких. Для интенсификации производства бедняцкие и средняцкие хозяйства снабжались сельскохозяйственными машинами, что оказывало им существенную помощь. Так, по данным Далькрайисполкома, к 1927 г. бедняцким и средняцким хозяйствам губернии было продано сельхозмашин на 4,6 млн руб. [49. С. 19]. В то же время чем мощнее и обеспеченнее было хозяйство, тем большим налогом облагалось, что делало невыгодным даже развитие средняцких хозяйств. Это привело к спаду сельскохозяйственного производства и сокращению общего уровня благосостояния к 1927 г. Сокращалось количество посевных площадей, количество поголовья скота [48. С. 23–28]. Если в 1923 г. общее количе-

ство посевных площадей на Дальнем Востоке насчитывало 732 700 десятин, то в 1925 г. эта цифра составила 730 100 дес., а в 1927 г. – 673 900 дес. [54]. За этот же период поголовье крупного рогатого скота сократилось к 1925 г. на 14% по отношению к 1923 г., а к 1927 г. по отношению к 1925 г. на 12,8% [55]. Крестьяне стали скрывать свое благосостояние и социальную принадлежность. Широкое распространение на Дальнем Востоке получило такое явление, как сдача рабочей силы с инвентарем и скотом в наем, которое практиковалось зажиточными крестьянами [40. С. 45]. В 1925 г. до 43% бедняцких и маломощных середняцких хозяйств практиковали наем чужого инвентаря, скота и рабочей силы, причем расплачивались не деньгами, а процентом с урожая. Наличие в мощных середняцких и зажиточных хозяйствах членов семьи, работающих по найму, позволяло отнести себя при различных учетах и переписях к батрачеству.

В 1927 г. бедняцкое хозяйство на Дальнем Востоке выглядело следующим образом: стоимость средств производства составляла в среднем 235,1 руб., имело до 3 десятин посева, около 60% хозяйств были безлошадными и до 20% бескоровными, средний доход на едока составлял 3,9 руб., на хозяйство 39 руб., состояло из 4–4,9 членов семьи [29]. Маломощное хозяйство имело до 5 десятин посева, стоимость средств производства оценивалась 328,8 руб., до 25% хозяйств были безлошадными и до 12% бескоровными, средний доход на едока составлял 17,1 руб., на семью – 120 руб., количество членов семьи – 5,5–6,5 чел. Семья середняка имела в среднем от 5 до 12 десятин посева, стоимость средств производства составляла от 397 до 1002 руб., имела 5,2 головы рабочего скота и 5,6 коров, до 7 овец, средний доход на едока составлял 40,0 руб., на семью от 320 до 543,6 руб. [29]. Зажиточное крестьянство (разной степени зажиточности) имело в среднем от 9,3 десятин посева, стоимость средств производства составляла около 1868 руб., имело от 9,8 голов рабочего скота, 8,9 коров, до 281 овец, коз и пр., средний доход на едока составлял 209,0 руб., на хозяйство – 1253 руб. [29]. Помимо этого бедняки прирабатывали 25 руб. поденным наймом (до 50 дней) в чужом хозяйстве и заготовкой дров – до 15 руб., а также брали ссуды из земуправления до 7 пудов зерна [44. С. 36]. Маломощным и середнякам заготовка дров также давала до 18 руб. дохода. Зажиточный имел до 20 руб. заработок за сдачу в наем инвентаря и рабочего скота. По уровню налогообложения бедняки платили до 3,45 руб. налога, маломощные до 7 руб., середняки – до 87 руб., зажиточные – до 265 руб. [44. С. 36]. Разница в благосостоянии крестьянских групп нивелировалась налогами, социальным обеспечением и сторонними заработками, хотя значительная дифференциация хозяйств сохранялась и к 1927 г. Общее соотношение внутриклассовых групп крестьянства по сравнению с 1923 г. изменилось: бедняки составляли от 8 до 16% хозяйств по губерниям края, маломощные хозяйства – от 15 до 23%, середняки от 36 до 73% и зажиточное крестьянство составляло от 2 до 4,6% [44. С. 68]. Средний уровень дохода на 1 человека, выраженный в денежном эквиваленте, в сельском хозяйстве Дальнего Востока, независимо от степени зажиточности хозяйства, составлял 49,8 руб., являясь самым низким в крае среди работающего населения, учитывая, что крестьянство не имело льгот, которыми пользовались рабочие и, тем более, служащие.

С 1926 г. в ДВК уже начали создаваться коллективные хозяйства. В 1927 г. количество колхозов было незначительно – 276 [38. С. 14]. Как правило, это были объединения беднейших крестьянских хозяйств, способ их выживания и взаимопомощи. Средний размер такого хозяйства составлял 12 дворов, 54 десятины посева, 5 лошадей и 7 коров, 0,6 молотилок и 0,8 сеялок. Объединения эти были добровольными, однако находились в особом отношении с государством, оказывавшим им первоочередную поддержку, но и требовавшим от них систематических поставок сельхозпродукции на определенных условиях. Это достигалось за счет сокращения внутреннего потребления колхозников, что объясняло более высокую товарность колхозного производства. Уровень существования и организации труда в коллективных хозяйствах ДВК был низким. Средний доход на 1 человека в коллективном хозяйстве в 1927 г. составлял 29,3 руб. в месяц [38. С. 26]. Между тем, коллективные хозяйства не отвечали в целом крестьянским интересам, да и многие крестьяне не понимали, зачем им это нужно. Большинство из них находилось в плену иллюзий относительно возможности уравнительного распределения земли. В конечном итоге крестьянский идеал в рамках единоличного хозяйства не шел дальше желания получить от государства дешевый кредит, выйти на хутор или соединить свои участки в так называемые «широкие полосы» или, наконец, выделиться из села в небольшие поселки.

Если представить общую картину социальной дифференциации населения Дальнего Востока по уровню благосостояния, то она будет иметь пирамидальную форму. Вершину пирамиды, будучи наиболее обеспеченным слоем населения, занимали советские государственные служащие, среди которых в 1920-е гг. по уровню благосостояния выделялась группа высшего управленческого и юридического персонала, входящая в номенклатуру должностей всех уровней. Ступенькой ниже располагались рабочие государственных предприятий различных отраслей промышленности и рабочие частных предприятий. Нижнюю ступень пирамиды занимали крестьяне, составляющие большинство населения, чей уровень благосостояния был значительно ниже, чем у рабочих и которые при этом еще несли основное бремя налоговых платежей.

Развитие дальневосточной деревни в годы первой пятилетки. В результате проводимой в 1920-е гг. государственной социальной политики уровень жизни в стране медленно повышался по сравнению с послереволюционными годами. По мере роста денежных доходов населения стала сказываться ограниченность промышленного производства: как в городах, так и в сельской местности по всей России стал остро ощущаться недостаток промышленных товаров: в 1926 г. дефицит промышленных товаров определялся в 220 млн руб., а в первом полугодии 1927 г. он составлял до 500 млн руб. [52]. Разрушение надежды, питаемой длительное время на победу социалистических революций в окружающих Советскую Россию странах, быстрые темпы экономического роста в послевоенной Европе, привели к необходимости развития крупной промышленности для обеспечения государственного суверенитета. На XIV съезде партии, проходившем с 18 по 31 декабря 1925 г., был провозглашен курс на индустриализацию страны, в рамках которого все экономическое развитие должно было быть под-

чинено развитию крупной промышленности и, в первую очередь, машиностроения [102. С. 68].

На XV Съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. были рассмотрены первые варианты пятилетнего плана на 1928–1932 гг., который окончательно был принят и утвержден в наиболее амбициозном его варианте в 1929 г.

Для быстрых темпов индустриализации страна нуждалась в продовольственных поставках. Крестьянин же строил свое хозяйство в расчете на самообеспечение. Заплатив требуемый налог государству за счет продажи продуктов животноводства и технических культур, крестьяне придерживали хлеб или продавали его частнику, который платил хорошие деньги, в результате чего в 1927 г. государство недополучило 128 млн пудов хлеба [32. С. 271]. Было принято решение о коллективизации сельского хозяйства, поскольку его развитие должно было соответствовать общим планам экономического развития страны на 1928–1932 гг.

Проведение коллективизации и соответствующих социальных мероприятий в её русле на Дальнем Востоке началось с конца 1927 г. В октябре 1927 г. прошел первый Дальневосточный краевой съезд колхозников, который под влиянием центральных директив принял нормы организации труда и формы внутреннего построения колхозов [42. С. 188]. Съезд постановил организовать при Дальсельсоюзе колхозную секцию Дальколхоз, которая должна была руководить идеологической, организационной и агрономическо-производственной сторонами колхозного строительства.

В течение 1927 – нач. 1928 гг. колхозы в ДВК начали создаваться исключительно на добровольных началах, чему предшествовала активная пропагандистская деятельность Далькрайкома ВКП(б). Идею объединиться в колхозы поддерживали крестьяне, чьи хозяйства определялись как бедняцкие и маломощные. Объединение этих социальных слоев в коллективные хозяйства было обусловлено, во-первых, желанием получить государственную ссуду, во-вторых, желанием получить урожай от коллективно обработанной земли (с использованием общего инвентаря и рабочего скота), который впоследствии они надеялись после выполнения государственного заказа разделить между собой на равные пропорции в зависимости от вклада каждого [10]. Однако практически полное изъятие в конце сельскохозяйственного года хлеба государством привело к распаду этих объединений. К июню 1928 г. количество колхозов по ДВК составляло 323, а к концу года, когда надежды крестьян на справедливый раздел урожая не оправдались, первичных объединений распалось 50%, сельхозартелей – 61,5%, коммун – 75% [12]. Летом 1928 г. поля всего Владивостокского и частично Амурского округов были залиты сильнейшим наводнением, что не только ускорило распад коллективных хозяйств, но и привело к полному срыву государственных хлебозаготовок [63. С. 22–23]. Тем не менее, причиной срыва хлебозаготовок был объявлен «кулацкий саботаж» [34. С. 21].

Реализация чрезвычайных мер по отношению к крестьянству началась с пленума ЦК ВКП(б), проходившего в июле 1928 г., где И.В. Сталин выступил с обоснованием «генеральной линии партии в деревне». Коснувшись вопроса о крестьянстве, он признал, что оно платит государству не только обычный налог, но и при

условии расхождения индексов цен переплачивает за промтовары и недополучает за сельскохозяйственные продукты. Определив этот «добавочный налог» как «не-что вроде сверхналога», И.В. Сталин заявил, что для индустриализации без него обойтись невозможно [94. С. 159–160]. И тогда же был им изложен тезис «об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма». Недовольство основной крестьянской массы политикой в отношении деревни было воспринято как препятствие со стороны классового врага – «деревенской буржуазии» – построению социализма в стране.

В декабре 1928 г. было принято постановление Совнаркома Союза ССР «О мерах по борьбе с лжекооперацией», в котором говорилось, что «капиталистические (кулацкие) элементы проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы» [69]. Лжекооперативами признавались такие кооперативы, «в которых преобладающее влияние имели капиталистические (кулацкие) элементы, использующие кооперативную форму в своих классовых целях, или такие, деятельность которых уклонялась в сторону, противоположную интересам социалистического строительства» [69]. Мерами оздоровления таких кооперативов должно было стать исключение капиталистических (кулацких) элементов либо, если первое было невозможно, безусловная ликвидация кооперативов. Борьба против частника привела на Дальнем Востоке к массовой ликвидации в середине 1929 г. сельской кооперации, которая в большинстве своем состояла из бедняцких и середняцких хозяйств. Так, в 1927 г. потребительская кооперация объединяла 45,9% бедняков и 53,3% середняков, а кредитная кооперация состояла из 32% бедняков [42. С. 189]. В конце 1928 г. всеми видами сельхозкооперации было охвачено 46,4% крестьянских хозяйств, в основном бедняцких и середняцких. Чтобы оправдать ликвидацию сельской кооперации, Далькрайисполком в отчетных документах отмечал, что в большинстве сельсоветов края преобладали середняки и зажиточные крестьяне, а в некоторых члены сельсоветов имели батраков [11].

Признаки кулацких хозяйств впервые были определены 20 февраля 1929 г. специальным постановлением СНК «О признаках кулацких хозяйств, в которых применяется Кодекс законов о труде» [73]. Для отнесения того или иного крестьянского хозяйства к кулацкому типу было достаточно, чтобы оно обладало одним из следующих пяти признаков: систематическое применение наемного труда для сельхозработ или в кустарных промыслах и предприятиях; наличие мельницы, крупорушки, маслобойни, картофельной или овощной сушилки или инвентаря с механическим двигателем; систематическая сдача в наем сложных сельскохозяйственных машин с механическими двигателями; постоянная или сезонная сдача в наем помещения под жилье или предприятие; наличие нетрудовых доходов, к которым относились торговля, ростовщичество, коммерческое посредничество, а также доходы служителей культа [15]. 12 мая 1929 г. Далькрайисполком в соответствии с постановлением СНК издал свое постановление, в котором определил признаки кулацких хозяйств для ДВК. К вышеперечисленным признакам были добавлены: использование полностью своего земельного надела; пригородные промышленные хозяйства, имеющие огороды, расположенные от города на расстоянии до 35 км; пригородные молочные хозяйства, имеющие не менее 3-х коров

и расположенные от города на расстоянии до 35 км; крестьянские хозяйства, занимающиеся рисосеянием при наличии в них не менее 2 га посевов риса; хозяйства, размер дохода в которых превышал в Читинском и Сретенском округах 150 руб. на едока, но не менее 800 на хозяйство, в Хабаровском, Владивостокском, Зейском и Николаевском – 200 руб. на едока, но не менее 1000 руб. на хозяйство, в Амурском округе – 200 руб. на едока, но не менее 1250 руб. на хозяйство [16]. Также добавлялось, что кулацкими считаются все хозяйства, попадающие хотя бы под один из признаков [16]. Таким образом, каждое второе хозяйство на Дальнем Востоке могло быть отнесено к кулацкому.

Наиболее действенным механизмом в реализации дифференцированного подхода к сельскому населению с конца 1920-х гг. стал единый сельхозналог. В течение февраля 1929 г. были приняты два постановления о едином сельхозналоге на текущий год [70; 71]. Первое постановление касалось облегчения положения середняцкого крестьянства: в районах, где обложение производилось по посеву, от обложения освобождался весь прирост посевных площадей. Эта льгота предоставлялась всем единоличным хозяйствам, кроме «явно кулацких», а также всем колхозам. Понижались нормы доходности одной десятины пашни, а также обложение дохода от сдачи в наем сельхозмашин. Второе постановление полностью освобождало от налога малоимущие хозяйства (до 35% общего числа крестьянских хозяйств страны [39. С. 156]). Налогооблагаемый минимум для единоличных хозяйств с 1–2 едоками был установлен в 110 руб., с 3–4 едоками – 130 руб., при 5 и более едоках – 150 руб. на хозяйство; для сельхозкоммун и артелей этот минимум составлял 30 руб. на едока [71]. Колхозам предоставлялись льготы в размере 40–60% от ставки налога, если в них на едока приходилось не более среднего дохода, приходящегося на едока в единоличных хозяйствах по району или уезду. Также предоставлялись льготы пострадавшему от стихийных бедствий населению северных окраин и др. В 1929–30 гг. постановлением Далькрайисполкома в соответствии с постановлением СНК было определено количество подлежащих полному освобождению от налога по необлагаемому минимуму и фонду маломощности хозяйств в процентах по отношению к общему количеству хозяйств по округам: в Читинском – 41%; в Сретенском – 39%; в Зейском – 38%; в Амурском – 32%; в Хабаровском – 41%; во Владивостокском – 38% и в Николаевском на Амуре – 36 % хозяйств [14].

В феврале 1930 г. вышло новое положение о едином сельхозналоге, которое резко усилило давление на единоличные хозяйства [75]. Для них, в отличие от колхозов, устанавливали нормы доходности. Причем кулацкие хозяйства облагались даже не по этим нормам, а по «действительной доходности», в индивидуальном порядке и не имели никаких льгот по налогу. В марте 1930 г. Далькрайисполком постановил, что нормы «действительной доходности» должны устанавливаться сельсоветами и обсуждаться, так же как и списки кулацких хозяйств, собраниями бедноты [20]. Здесь же было зафиксировано, что источники, с которых платился единый сельхозналог, не облагались другими налогами кроме промыслового с неземледельческих занятий, облагаемых в процентном отношении к обороту, т.е. приносящих высокие доходы. По нормам «действительной доходности» по округам ДВК в среднем облагались до 38% хозяйств [36. С. 58].

Индивидуальное обложение в ДВК сельхозналогами наиболее зажиточной части деревни привело к тяжелым социальным последствиям и сказалось на дальнейшем развитии экономики края. Неопределенное понятие «действительной доходности» вызвало резкое переобложение не только зажиточных хозяйств, но и середняцких. Местные власти стали использовать налог в качестве средства, побуждающего крестьян продавать хлеб, иначе говоря, в целях выполнения хлебозаготовительных планов. Для наиболее зажиточных хозяйств налог оказался повышенным в 2–3, а зачастую и в 5–6 раз [58], став средством разорения крестьян.

Резкое изменение политики в деревне обозначило декабрьское постановление СНК «О весенней посевной кампании 1930 года», которая должна была обеспечить ускоренный рост коллективных хозяйств. Эта задача должна была быть решена на основе «мобилизации всех сил рабочего класса и бедняцких масс крестьянства для социалистического переустройства хозяйства и наступления на кулака» [74]. Объединение рабочих и беднейшего крестьянства с целью ликвидации частника в деревне было четко продуманным политическим шагом со стороны партийного руководства. С одной стороны, объединение крестьян с рабочими должно было показать, что советская власть не делает различия между первыми и последними, с другой – опора на беднейшее крестьянство провоцировала социальный конфликт в деревне или необходимую для ликвидации кулачества, в соответствии с официальной идеологией, «классовую борьбу». Ставка делалась на неимущую часть деревни, завидовавшую более состоятельным крестьянам, на самые темные стороны человеческой души. Кулаки в ходе коллективизации подлежали экспроприации имущества и, в случае оказания сопротивления, лишению гражданских прав и выселению. Конфискованное имущество кулаков должно было передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и середняков, вступающих в колхоз.

Действие декабрьского постановления на Дальнем Востоке вылилось в массовое разорение крепких крестьянских хозяйств через загон крестьян в колхозы при полном обобществлении их имущества. В январе 1930 г. в колхозах находилось 20,8 тыс. крестьянских хозяйств, в феврале их количество увеличилось до 90,8 тыс., в марте – до 104,6 тыс. хозяйств [22]. В январе 1930 г. в крае насчитывалось 936 колхозов, в феврале уже 1017, а в марте – 1500 колхозов. Насильственные методы создания коллективных хозяйств вызвали сопротивление через поджог семенных и массовый убой скота. 1 ноября 1930 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК «О мерах против хищнического убоя скота» [78]. Нарушители должны были подвергаться штрафу в размере десятикратной стоимости убитого животного. Районные исполнительные власти наделялись правом конфисковать весь скот у забывающих домашних животных крестьян и привлекать последних к уголовной ответственности, причем суду предписывалось применять к ним лишение свободы до 2 лет с выселением из данной местности. Только за первую половину 1930 г. было осуждено 2254 чел. за сопротивление коллективизации, 638 семей с общей численностью 4360 чел. было выслано из края [24]. В результате был сорван сев яровых, что привело к голоду в ряде округов: Сретенском, Читинском, Хабаровском, частично Владивостокском и Амурском [24].

Голод был настолько сильным, что люди вынуждены были употреблять в пищу суррогаты хлеба. Что только не добавляли в него: толченые клеверные головки и сушеную березовую кору, отруби, овес, фасолевую и картофельную шелуху, желуди. Желудочные заболевания приняли массовый характер, появились случаи голодной смерти. Началось отходничество, нищенство, воровство, стихийные переселения в города Читы, Владивосток, Хабаровск. По краю прокатилась волна убийств активистов, партработников [59]. К концу 1930 г. было раскулачено, осуждено за сопротивление коллективизации, выселено за пределы края в общей сложности 6289 семей, что составило около 36 860 человек [59].

Курс на форсированное обобществление сельского хозяйства привел к тому, что (через несколько месяцев после известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов») появилось «Разъяснение Народного Комиссариата земледелия и Колхозцентра Союза ССР по вопросу о праве колхозников владеть скотом» [77]. В нем говорилось, что устав сельхозартели не ограничивает права ее членов выращивать молодняк, разводить и покупать в единоличное владение крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Более того, правление колхозов было обязано оказывать всяческое содействие колхозникам в заведении и выращивании скота, предоставляя им пастбища, выдавая корма в счет причитающихся доходов. Данное решение партийного руководства о поддержке крестьян, занимающихся разведением скота, было направлено не на ослабление социальной напряженности в деревне, а носило исключительно прагматический характер. С сокращением количества голов скота из-за падежей и массовых забоев возникла проблема со снабжением городов и индустриальных строек мясом, молоком и другими продуктами животноводства. Для выполнения задач индустриализации власти вынуждены были признать необходимость развития на селе индивидуального животноводства.

С начала 1930 г. правительство для привлечения крестьян в колхозы стало использовать уже проверенный и верный механизм выделения льгот. В апреле 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК «О новых льготах для колхозов и их членов», которое освобождало от уплаты единого сельхозналога на два года (1930/31 и 1931/32) весь обобществленный рабочий скот в колхозах, всех коров и овец, свиней и птиц, находящихся в колхозах и в единоличном владении колхозников, а также площади, обрабатываемые под огороды [76]. С колхозов списывались задолженности по землеустройству, а с колхозников – невзысканные до выхода постановления штрафы. Одновременно воспрещалось отчислять в доход колхозов более 3–10% заработков колхозников вне колхоза. Согласно постановлению от 2 июля 1930 г. маломощным сельхозартелям и товариществам по обработке земли (ТОЗам), у которых рабочий скот и инвентарь были обобществлены, оклад сельхозналога снижался районными налоговыми инспекциями до 50%.

В результате проводимой политики в начале 1930-х гг. обострились все своиственные деревне конфликты и противоречия: между различными группами крестьянства, между земледельцами и животноводцами, добавились новые, прежде всего, между колхозниками и неколхозниками, еще более усложнились отношения между крестьянами и рабочими, приехавшими из города для проведения изъятия хлеба и конфискации имущества раскулаченных [28. С. 274–275]. Центральной

власти и органам различных уровней на местах становилось все сложнее управлять крестьянством. Было принято решение о скорейшем завершении социальной и хозяйственной модернизации в деревне.

В конце 1930 г. количество раскулаченных хозяйств было признано «явно недостаточным», а результаты обложения единым сельхозналогом неудовлетворительными [33. С. 156]. 23 декабря 1930 г. постановлением ЦИК и СНК «Об обложении кулацких хозяйств единым сельхозналогом в индивидуальном порядке» местные советы обязывались выявить все кулацкие хозяйства и обложить их налогом в индивидуальном порядке, чтобы закончить взыскание налога с кулацких хозяйств не позднее 15 января 1931 г. [79]. Данное постановление также предоставляло местным советам право видоизменять, применительно к местным условиям, признаки кулацких хозяйств, определенные постановлением 1929 г. Практически эта мера была рассчитана на зажиточные сибирские и дальневосточные деревни, где многие хозяйства «выпадали» за пределы постановления 1929 г.

Обладая высоким промышленным потенциалом, Дальний Восток входил в перечень регионов, в которых должна была быть проведена массовая коллективизация. Это было обосновано тем, что в пределах территорий, где проходят крупные промышленные стройки, не должно было быть «чуждых социальных элементов, способных саботировать процесс индустриализации» [50. С. 168].

На основании постановления ЦИК и СНК от 23 декабря 1930 г. Далькрайисполком еще раз дополнил признаки кулацких хозяйств: к ним было решено приравнять хозяйства с наличием 8 голов крупного и 30 голов мелкого скота [17].

К июню 1931 г. было раскулачено и выселено за пределы края 9636 кулацких семей общей численностью 54 860 чел., общая стоимость имущества которых, переданного в колхозы, составила 3363,8 тыс. руб. [18]. К концу 1931 г. Далькрайисполком заявил, что колхозами в крае охвачено до 69,6% крестьян: всего на Дальнем Востоке было раскулачено около 54 тыс. хозяйств с общей численностью 208 тыс. человек [19]. Если эти данные сравнить с численностью зажиточных хозяйств в 1927 г., то получается, что под раскулачивание вместе с зажиточными попало огромное количество середняцких хозяйств.

В 1930 г. на Дальнем Востоке произошло 12 антиколхозных выступлений [7]. Большое количество обращений поступало в органы власти от крестьян, которые указывали, что были раскулачены незаконно, поскольку никогда к категории зажиточных не относились. В 1931 г. в ДВК было зафиксировано свыше 16 000 обращений в Далькрайисполком с просьбой о восстановлении в правах [60]. Чтобы снизить уровень социального недовольства в деревне, становившейся реальной угрозой для политической власти, 3 июля 1931 г. было принято постановление Президиума ЦИК «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» [80]. Постановление указывало, что выселенные кулаки могут быть восстановлены в гражданских правах и получить избирательные права по истечении 5 лет с момента выселения, если они в течение этого срока доказали на деле, что прекратили борьбу против колхозов и советской власти и показали себя честными и добросовестными тружениками.

Подводя итог политике в отношении к крестьянству в период первой пятилетки, мы можем определить ее как направленную на ликвидацию наиболее обеспеченных слоев деревни, что позволило государству поставить сельское хозяйство под свой контроль, поскольку вместе с ликвидацией хозяйственно активных крестьян ликвидировалась социальная самостоятельность и независимость крестьянских слоев вообще. Ликвидация наиболее обеспеченных и активных крестьян привела к снижению общего уровня жизни в деревне.

Дальневосточная деревня в 1933–1937 гг. На прошедшем 7–12 января 1933 г. пленуме ЦК ВКП(б) был принят второй пятилетний план народно-хозяйственного развития на 1933–1937 гг., на который возлагалось углубление дальнейшего развития индустриальной промышленности, завершение реорганизации социальной структуры в деревне.

В конце января 1933 г. прошла 3-я сессия ЦИК СССР, постановление которой «Об укреплении колхозов», подводило итоги коллективизации [82]. В нем говорилось, что в результате реализации первой пятилетки советская власть добилась следующих «успехов»: в колхозы в 1932 г. было объединено свыше 14,5 млн крестьянских хозяйств (против 400 тыс. в 1928 г.), которые засеяли свыше 90 млн га (против 2 млн га в 1928 г.). В том же постановлении указывалось на социально-экономические проблемы в развитии колхозов, что объяснялось вредительством остатков кулачества. В течение 1933 г. предписывалось провести общественную проверку и «чистку» колхозных счетоводов, завхозов и кладовщиков.

В апреле 1933 г. Дальколхоз, выполняя распоряжения Правительства, принял решение откомандировать в 1933–1934 гг. в села 50 агрономов, 40 зоотехников, 10 механиков и 35 партийных работников для отчистки дальневосточных колхозов от «капиталистических элементов» [45. С. 128]. В начале 1933 г. в ДВК существовал 1681 колхоз, в которые были объединены 76 682 двора [9], к июню из колхозов было исключено и репрессировано свыше 3 тыс. «кулацких» хозяйств [8].

20 июля 1933 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли постановление об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г., на основе закона от 19 января 1933 г. [83]. Постановление от 19 января 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и совхозами», называемое в июльском постановлении законом, отменяло существовавшую договорную систему хлебозаготовок и устанавливало вместо нее зернопоставки, имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным ценам [81]. Поскольку вместо хлебозаготовок вводились зернопоставки по твердым и неизменным нормам, то никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не допускалось. Постановление запрещало колхозную и индивидуальную торговлю хлебом. Эти меры распространялись не только на единоличников, колхозы, но и на приусадебные участки колхозников, норма сдачи зерна для которых устанавливалась на 5% меньше, чем единоличникам, но на 5% больше, чем колхозам.

2 августа 1933 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) был определен порядок образования колхозных фондов и распределения зерна между колхозниками по трудодням [84]. После выполнения колхозами своих годовых обязательств по сдаче

зерна государству они обязаны были обеспечить засыпку семенных и фуражных фондов, а всё оставшееся распределить между колхозниками по трудодням. Распределение доходов в колхозах превратилось на Дальнем Востоке в меру поощрения и наказания. Специальным постановлением Далькрайкома ВКП(б) для «гарантированности правильного социального распределения доходов в колхозах» к 1 января 1934 г. в колхозы было направлено 1300 партийных работников, а к 1 октября того же года эта цифра составила уже 3536 чел. [4]. В 1933 г. свыше половины колхозов распределяли меньше 1 кг хлеба на трудодень, остальные, там, где урожай был более сносным, – до 2 кг; в 1934 г. количество выдачи хлеба по трудодням увеличилось до 3 кг, в 1935 г. – до 5 кг [3].

С введением распределения по трудодням уровень жизни крестьян в колхозах резко упал. Не имея возможности продавать хлеб, они лишились дополнительного источника денежных доходов и возможности покупать необходимые продукты на рынке. Полученного хлеба едва хватало для того, чтобы пережить зиму без голода. В том же 1933 г. Далькрайисполком увеличил обложение единоличных трудовых хозяйств [54] и ввел так называемое «самообложение населения», на деле жестко принудительное, которое имело целью окончательно подорвать единоличные хозяйства. Зажиточные хозяйства «самооблагались» в размере 200% оклада единого сельхозналога [85]. Доходы от самообложения должны были идти исключительно на нужды хозяйственного и культурного подъема деревни. Колхозники, как облагаемые единым сельхозналогом, так и освобожденные от него, уплачивали взносы по самообложению в размере от 4 до 16 руб. с хозяйства. Трудовые единоличники были разделены на платящих налог по трудовым ставкам и платящих его прогрессивно: первые вносили по 12–18 руб., вторые – 100–150% оклада сельхозналога [53].

С 1933 г. в политике правительства по отношению к крестьянству начали происходить существенные изменения. Были приняты меры, направленные на социальное развитие уже интегрированных в колхозную систему крестьян, оказавшихся отныне полностью зависимыми от централизованных социальных мероприятий.

14 августа 1933 г. вышло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами», согласно которому до конца года бескоровным колхозникам на льготных условиях отпускался 1 млн голов телок в возрасте до 8 мес. [86]. Беднейшим колхозникам, не имеющим возможности оплатить наличными полную стоимость животных, предоставлялся кредит в пределах 50% этой стоимости с рассрочкой погашения в 1 год. Далькрайисполком определил для реализации этого постановления 96 860 голов телок для их продажи беднейшим колхозникам [45. С. 36]. Механизм осуществления этого постановления на Дальнем Востоке выглядел довольно интересно: местные хозяйственные органы закупали у колхозов (23%) и единоличников (77%) телок и продавали их тут же на месте колхозникам (переброски из одного округа в другой запрещались). Эти действия краевых властей были примечательны в двух отношениях: у единоличников впервые не отбиралось, а покупалось что-то, пусть и по установленным властями ценам; что же касается колхозников, то им, хоть и на льготных условиях,

но приходилось покупать телку, может быть от собственной же коровы, отобранной в свое время вполне бесплатно.

Еще одним видом перераспределения материальных и финансовых ресурсов в сельском хозяйстве края было снабжение колхозов сельскохозяйственной техникой. С одной стороны, снабжение техникой колхозов являлось общегосударственной политикой, с другой – для края обеспечение техникой того или иного колхоза означало повышение урожайности и общей доходности, а следовательно, и увеличение выплат по трудодням. С 1936 г. на Дальнем Востоке было разрешено ведение колхозниками приусадебных хозяйств, которые стали главным источником существования деревенских жителей и рыночной колхозной торговли.

С установлением колхозной системы сельское население стало постепенно охватываться мероприятиями по развитию социального обеспечения, образования, здравоохранения. В начале 1934 г. Далькрайисполком принял решение о развитии касс взаимопомощи в колхозах: средства, собираемые с «самообложения», было решено пустить на поддержание малообеспеченных колхозников [55]. Деньги расходовались на поддержку по болезни и нетрудоспособности, на закупку товаров народного потребления и продажу их по низким государственным ценам колхозникам (керосин, спички, газовые горелки, обувь, одежда, мыло, навесные умывальники и т.д.). В 1935 г. в крае было оказано членам колхозов разного вида помощи на сумму 74 108 руб., в 1936 г. – 271 743 руб., в 1937 г. – 569 800 руб. [56]. На 1 января 1935 г. в колхозах края работали 333 кассы взаимопомощи, к 1 июля 1937 г. – 611 касс взаимопомощи, охватывающих до 50% колхозов [56]. Однако, несмотря на высокие показатели, работа касс взаимопомощи была малоэффективна, прежде всего потому, что органы социального обеспечения их игнорировали.

В 1933 г. при Дальколхозсоюзе был создан краевой комитет содействия по социально-культурному и бытовому строительству в крупных колхозах ДВК. В 1933–1934 гг. было отпущено Комитетом 350 000 руб. бюджетных средств на строительство в колхозах яслей и детских больниц. К 1936 г. на эти средства в колхозах ДВК было построено 320 яслей общей вместимостью 6860 детей [54]. Сельские больницы были переведены на оказание бесплатной медицинской помощи на селе всем социальным группам, в то время как до этого помощь единоличным и зажиточным крестьянам оказывалась за плату.

К концу 1937 г. на Дальнем Востоке почти полностью завершилась социальная модернизация деревни: колхозами было охвачено 94,7% крестьянских хозяйств [42. С. 222]. Неохваченными колхозами среди сельского населения оставались преимущественно местные коренные народы: охотники, рыболовы, скотоводы.

Социальные процессы в дальневосточной деревне в конце 1930-х годов. Ликвидация собственников как социальной категории изменила правовой статус крестьянства. В соответствии с положениями Конституции 1936 года крестьяне были уравнены в правах с рабочими: для них отменялись ограничения избирательного права, на них распространялись основные социально-экономические гарантии: на труд, отдых, образование и материальное обеспечение.

В конце 1937 г. в СССР был принят третий по счету пятилетний план хозяйственного строительства на 1938–1942 гг., идеологическую базу которого составил

совершенно новый, не используемый ранее в партийных документах тезис о «завершении строительства социализма и постепенном переходе к коммунизму». Для более эффективного контроля за маневрами местных властей и потоками финансовых средств Дальневосточный край указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1938 г. был разделен на Хабаровский и Приморский края, позже были образованы Амурская и Еврейская автономные области [96], но сложившаяся дальневосточная общность продолжала оставаться неделимой на основе пространственных границ и единства образа и условий жизни.

Государственная политика в отношении крестьянства в начале третьей пятилетки смягчилась, что привело к общему подъему уровня жизни сельского населения. 19 апреля 1938 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов», которое запрещало проведение чисток колхозов, а также исключения из колхозов членов семей колхозников по мотивам ухода одного из членов семьи на временную или постоянную работу на госпредприятие или за нарушение правил внутреннего распорядка, которые ранее практиковались повсеместно [90]. Это постановление способствовало установлению нормальной психологической атмосферы в колхозах: люди перестали бояться лишиться средств существования за малейшую провинность.

Второе постановление СНК и ЦК ВКП(б) от того же числа «О неправильном распределении доходов в колхозах» положило конец разбазариванию местными властями колхозных средств [91]. До выхода этого постановления правления колхозов в регионе основную долю доходов затрачивали на производство общественных построек в колхозах, на производственные и административные расходы и т.п., вследствие чего доля денежных доходов, распределяемых на трудодни колхозников, оказывалась заниженной, что толкало колхозников на поиски денежных заработков на стороне. В соответствии с постановлением между колхозниками должно было распределяться на трудодни не менее 60–70% всех денежных доходов, отчисления на капитальные затраты не должны были превышать 10% денежных доходов, остальные 20–30% доходов оставались в резерве и должны были расходоваться после окончательного установления «видов на урожай» будущего года по решению общего собрания колхозников. Это постановление увеличило в 1–1,5 раза доходы колхозников по трудодням. В то же время дополнительными налогами были обложены единоличные хозяйства. Единоличных хозяйств на Дальнем Востоке к концу 1930-х гг. осталось лишь 2,2% от общего количества крестьянских хозяйств, или 5508 хозяйств, с общим количеством в 30 295 чел. В основном единоличные хозяйства сохранились на юге Дальнего Востока и среди местных коренных народов.

Третье постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 г. «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств» обязывало районные власти строго следить за выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам, мясopоставкам и т.д. восстанавливало с 25 апреля 1938 г. госналог на лошадей в единоличных хозяйствах и накладывало на хозяйства дорожную повинность, лесовывоз, обслуживание школ, больниц и т.д. [92].

Доход крестьян в колхозах был низким, однако они нашли «лазейку» в социалистической системе хозяйства: стали развивать свои подсобные хозяйства, которые на Дальнем Востоке иногда значительно опережали колхозы в животноводстве и производстве овощей. Подсобные хозяйства крестьян в регионе составляли от 0,25 га в Приморском крае до 1 га в Хабаровском крае [25]. Продукция подсобных хозяйств продавалась на колхозных рынках в крупных городах Дальнего Востока и в районах индустриальных строек, обеспечивая до 80% продаж продуктов [25]. Подсобное хозяйство и рынок стали главным источником продовольственного самообеспечения крестьян и источником их денежных доходов. Крестьянские подсобные хозяйства стали для горожан основным источником поступления в их рацион мясомолочных продуктов, овощей, картофеля. Многие колхозы в крае выполняли нормы государственных поставок продукции животноводства и овощей за счет подсобных приусадебных хозяйств колхозников. Поскольку государственные заготовки исчислялись с посевной площади и поголовья скота, колхозы стали сокращать посевы, были зафиксированы случаи, когда забивался колхозный скот – в этом случае планы заготовок уменьшались. Колхозная администрация стала раздавать общественную землю в личное пользование, а землю, которая не являлась ни собственностью крестьян, ни собственностью колхозов, – продавать и сдавать в аренду [5]. На колхозных полях появились крестьянские хутора, росло поголовье скота в личном пользовании крестьян, которое по численности иногда превышало колхозные стада [26]. Известны случаи, когда для пополнения ферм и выполнения плана колхозы покупали личный скот у колхозников.

На пленуме ЦК ВКП(б) в мае 1939 г. всплыли данные, свидетельствующие, что крестьянские подсобные хозяйства приносят огромный доход – 15–20 тыс. руб. в год, в то время как, например, зарплата первого секретаря ЦК ВЛКСМ составляла 24 тыс. руб. в год, а председателя райисполкома – 17 тыс. руб. в год [41. С. 396–402]. Рост независимых и неконтролируемых источников существования крестьянского населения вызвал соответствующую реакцию со стороны политического руководства, направленную на усиление контроля за доходами крестьянства со стороны государства. 27 мая было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», согласно которому колхозные земли были обмерены, усадебные участки обрезаны, хутора в колхозных полях ликвидированы, личный скот, превышающий установленную колхозным уставом норму, обобществлен и передан колхозам [93]. Разрешалось лишь мелкое производство по самообеспечению. Здесь же был установлен обязательный минимум трудодней в год – для районов Дальнего Востока 60 трудодней. Эти меры, принятые Политбюро для «реанимации колхозного хозяйства» и сокращения частной крестьянской деятельности, привели к продовольственному кризису в городах, поскольку городские рынки потеряли основных поставщиков продуктов питания [35. С. 216–222].

После окончательного изменения внешнего облика деревни правительство приступило к активным мероприятиям, которые должны были обеспечить поступательное социальное развитие дальневосточной деревни.

К концу 1930-х гг. увеличилось число сельских школ и количество обучающихся в них. Если в 1937/38 учебном году в сельской местности Приморского края насчитывалось 634 школы (из них 11 средних), то в 1940/41 учебном году – 676 (28 средних); в Хабаровском крае в 1937/38 учебном году действовали 1264 сельские школы (38 средних), в 1940/41 учебном году число школ увеличилось до 1477 (77 средних) [6]. В 1940/41 учебном году в школах Дальнего Востока обучались уже 446,7 тыс. чел., что на 106 тыс. чел. больше, чем в 1938/39 учебном году; из них в сельской местности обучалось около 300 тыс. чел. В этот же период увеличилось и число учителей в школах, что было обусловлено повышением заработной платы для учительского персонала и возможностью развития для учителей в сельской местности приусадебных участков. Только в Приморском крае в 1937–1941 гг. количество учителей в сельской местности выросло с 2087 до 2540 чел., в Хабаровском крае – с 3378 до 5062 чел. [6]. Рост учительских кадров увеличился благодаря созданным в 1939 г. во Владивостоке и Хабаровске институтам усовершенствования учителей.

В предвоенный период значительно вырос и культурно-бытовой фонд колхозов. Только в колхозах Приморья в 1939 г. он составил 1,8 млн руб. В 1938–1941 гг. число культурно-досуговых учреждений на Дальнем Востоке быстро растет. В 1939 г. в Хабаровском крае насчитывалось в городах и в сельской местности 509 клубов культурного времяпрепровождения, 242 киноустановки в сельской местности, 35 кинотеатров; в 1941 г. – 845 клубов, 328 киноустановок, 88 кинотеатров [99]. В Приморском крае число клубов за те же годы увеличилось с 267 до 453, киноустановок – со 140 до 385, кинотеатров – с 50 до 61. В сельской местности расширялась и библиотечная сеть. Число библиотек в сельской местности Хабаровского края увеличилось с 497 в 1938 г. до 863 в 1941 г., а в Приморском крае – со 124 до 366. При этом сохранялось значительное различие в развитии социальной и культурной сфер в городах и деревнях. Помимо развития библиотечной сети, где большинство литературы носило идеологический характер, и клубов в крупных селах, где в основном проводились идеологические лекции, а также пунктов по ликвидации неграмотности и т.д., возможности культурного времяпрепровождения для сельских жителей практически не было, за исключением, пожалуй, просмотра кинофильмов, что особенно угнетало молодежь и вызывало ее недовольство, усугубляя излишний отток сельских жителей в города.

Итак, к началу 1940-х гг. окончательно завершились реформирование сельского хозяйства на Дальнем Востоке и реформирование социальной структуры и инфраструктуры на селе: была создана сфера культурно-бытового обслуживания сельского населения, медицинского обслуживания, система образования и т.д. По уровню и качеству жизни сельское население заняло дно пирамидальной социальной структуры, но при этом именно на сельское население была возложена функция продовольственного обеспечения и поддержания благосостояния всего советского общества.

1. Брянский, А.М. Экономическое расслоение Дальневосточной деревни (к VII Дальневосточной конференции РКП) / А.М. Брянский. – Хабаровск, 1925.
2. Весь Дальний Восток: справочник на 1925 год. – Хабаровск, 1926.
3. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 156. Л. 8.
4. ГАПК. Ф. Р-77. Оп. 1. Д. 156. Л. 9-10.
5. ГАПК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 38. Л. 13.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-374. Оп. 2. Д. 3. Л. 177.
7. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 131. Л. 28.
8. ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 388. Л. 5.
9. ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 456. Л. 119.
10. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. Л. 248.
11. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. С. 279.
12. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 16. Л. 373-374.
13. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 5. Л. 54.
14. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 17.
15. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7. Л. 30-31.
16. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 383.
17. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 384.
18. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 386.
19. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 386-387.
20. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 9. Л. 64.
21. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 36.
22. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 50, 69.
23. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 56, 64.
24. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 10. Л. 74-76.
25. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 3. Л. 36.
26. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 3. Л. 43.
27. ГАХК. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 12. Л. 34-36.
28. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997.
29. Дальневосточное статистическое обозрение. – 1929. – №12. – С. 12–45.
30. Дальневосточный край в цифрах. – Хабаровск: Далькрайстат управление, 1929.
31. Два года советской власти в Амурской губернии: отчет Амурского губернского исполнит. комитета 2-му губернскому съезду советов рабочих крестьянский и красноармейских депутатов. – Благовещенск: Амурская правда, 1925.
32. Дехтяр, Г.А. Советская торговля в период построения социализма / Г.А. Дехтяр. – М., 1961.
33. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1957 годы: сб. док. Т. 1: 1917 – 1928 годы / сост.: В.Н. Малин, А.В. Коробов. – М., 1957.
34. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации: 1927–1932 гг. / сост. В.П. Данилов и др.; под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М., 1989.
35. Дударь, Л.А. Развитие внутренней торговли на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.): дис. ... канд. ист. наук / Л.А. Дударь. – Владивосток, 1998.
36. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927–1937 годы) / сост. Е.И. Елизарова и др. – Хабаровск, 1979.
37. История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период

- социалистической реконструкции народного хозяйства: кон. 1927–1937 / отв. ред. И.Е. Зеленин. – М., 1986.
38. Колхозы Дальнего Востока. – Хабаровск, 1930.
 39. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929–1930 год. – М., 1930.
 40. Конъюнктурный обзор народного хозяйства Приморской губернии за октябрь – декабрь 1925–1926 гг. – Владивосток, 1926.
 41. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1898–1953. Т. 3. – М., 1954.
 42. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории / под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991.
 43. Лыкова, Е.А. Третья волна иммиграции: «корейский вопрос» в приморской деревне в 20-е – 30-е годы XX в. / Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина // Россия и АТР. – 1996. – №2. – С. 84–91.
 44. Материалы обследования крестьянских хозяйств Дальневосточного края в 1927–1928 гг. – Хабаровск, 1929.
 45. Материалы по отчету краевого комитета ВКП(б). – Хабаровск, 1934.
 46. Молчанов, А.П. Из истории борьбы за упрочнение союза рабочего класса и крестьянства. 1924–1925. / А.П. Молчанов. – М., 1956.
 47. Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1925–1926 год. – Хабаровск, 1927.
 48. Отчет Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета за 1927–1928 год. – Хабаровск, 1928.
 49. Основные моменты хозяйственной деятельности в ДВК за 1929–1930 гг. – Хабаровск, 1931.
 50. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову: 1925–1936 гг.: сб. док. / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук и др. – М., 1995.
 51. Районирование Дальневосточного края: доклад Дальревкома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету // Материалы по административно-хозяйственному районированию ДВ Края. – Хабаровск, 1925. Кн. III.
 52. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5.
 53. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. Р-1815. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.
 54. РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 4. Д. 10. Л. 180.
 55. РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 11. Д. 2. Л. 15.
 56. РГИА ДВ. Ф. Р-1815. Оп. 11. Д. 2. Л. 16.
 57. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
 58. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.
 59. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 4. Л. 63.
 60. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 500. Л. 64.
 61. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 71.
 62. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1672.
 63. Резолюции десятой Владивостокской окружной партийной конференции (9–18 мая). – Владивосток, 1930.
 64. Сборник материалов по политическому и экономическому состоянию Дальнего Востока (по данным совещания секретарей Губкомов и председателей Губисполкомов 3 августа 1923 года). – Чита, 1923.
 65. Собрание Законов Союза ССР (Собр. зак.). 1925. №17. Ст. 124.
 66. Собр. зак. 1925. №26. Ст. 183.

67. Собр. зак. 1925. №35. Ст. 218.
68. Собр. зак. 1925. №35. Ст. 248.
69. Собр. зак. 1929. №3. Ст. 28.
70. Собр. зак. 1929. №10. Ст. 95.
71. Собр. зак. 1929. №12. Ст. 102.
72. Собр. зак. 1929. №12. Ст. 102.
73. Собр. зак. 1929. №54. Ст. 501.
74. Собр. зак. 1930. №1. Ст. 4.
75. Собр. зак. 1930. №13. Ст. 143.
76. Собр. зак. 1930. №21. Ст. 230.
77. Собр. зак. 1930. №43. Ст. 446.
78. Собр. зак. 1930. №57. Ст. 598.
79. Собр. зак. 1931. №1. Ст. 6.
80. Собр. зак. 1931. №44. Ст. 298.
81. Собр. зак. 1933. №4. Ст. 25.
82. Собр. зак. 1933. №6. Ст. 41.
83. Собр. зак. 1933. №38. Ст. 228.
84. Собр. зак. 1933. №49. Ст. 286.
85. Собр. зак. 1933. №52. Ст. 189.
86. Собр. зак. 1933. №52. Ст. 303.
87. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (Собр. узак.). 1921. №38. Ст. 204.
88. Собр. узак. 1921. №48. Ст. 236.
89. Собр. узак. 1923. №97. Ст. 969.
90. Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических республик (Собр. пост.). 1938. №18. Ст. 115.
91. Собр. пост. 1938. №18. Ст. 116.
92. Собр. пост. 1938. №18. Ст. 117.
93. Собр. пост. 1939. №34. Ст. 235.
94. Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. Т. 11.
95. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: сб. док.: в 3 т., 1917–1936 гг. Т.1. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР, 1917–1922 гг. – М., 1959.
96. Ткачева, Г.А. Административно-территориальное деление Дальнего Востока России в 20–30-е годы / Г.А. Ткачева // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 2. / отв. ред. А.П. Деревянко. – Владивосток, 1993. – С. 86–89.
97. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. К первому дальневосточному краевому съезду советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов: отчет Дальревкома за 1922–25 год / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1926.
98. Тяжесть обложения в СССР: социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. – М., 1929.
99. Хабаровский край. – Хабаровск, 1948.
100. Шестак, О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922–1941 гг.) / О.И. Шестак. – Владивосток: Дальнаука, 2004.
101. VII Дальневосточная краевая конференция РКП(б) (16–20/XI 1925 г.): стенографический отчет. – Хабаровск: Изд-во Далькрайкома РКП(б), 1925.
102. XIV Съезд ВКП(б): стенографический отчет. – М.-Л., 1926.